

УДК 314/316+811.161.1`27(479-13)
DOI 10.20339/AM.02-23.0105

Р.М. Мамедова,
д-р философии по филологии, старший преподаватель
кафедры гуманитарных наук
Мингячевирский государственный университет (Азербайджан)
ORCID 0000-0002-9237-3626
e-mail: rahile.mamedova.1959@mail.ru

РУССКАЯ РЕЧЬ В ДУХОВНОЙ ЖИЗНИ МУСУЛЬМАНСКОГО ОБЩЕСТВА ЮЖНОГО КАВКАЗА: ИСТОРИКО-СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ

Статья посвящена истории распространения русской речи на близлежащих пространствах российского культурного и лингвистического ареала, в частности на Южном Кавказе, а также ее образовательной и коммуникативной роли в создании универсальной информационной системы и лексической базы, в обогащении культуры речи народов, говорящих не на славянских языках. В качестве метода исследования выбран монографический подход на основе анализа исторических материалов по расселению носителей русского языка на территории Южного Кавказа. Фактологические материалы систематизированы и классифицированы по социальным сферам, определены основные факторы, повлиявшие на характер и содержание языковой политики и практики использования русского языка в регионе. Русская речь рассматривается как средство унификации словесного потенциала разных народов Южного Кавказа, даже в некотором роде как специфическая, локальная «lingua franca» в межнациональном общении в рамках лингвистического плюрализма народонаселения Южного Кавказа. Чрезвычайная просветительская миссия русской речи и ее место в трансформации европейских научных, культурных и общеобразовательных ценностей народам Южного Кавказа в XIX–XX веках являются основными мотивами статьи. Отмечен факт модификации языковых ресурсов русского языка в условиях многоязычия народов Южного Кавказа. Выявлены морфологические, синтаксические и смысловые изменения в словаре русского языка в регионе под воздействием повседневной языковой практики. Выявлены особенности взаимовлияния русского и местных языков, основные факторы и последствия этого влияния. Еще одним ключевым моментом является современная роль и значение русской речи в повседневной, социально-экономической и научно-культурной жизни национальных государств Южного Кавказа, в частности Азербайджанской Республики.

Ключевые слова: русская речь, языковой ареал, культурно-лингвистическая среда, языковая диффузия, социолингвистические факторы.

RUSSIAN SPEECH IN THE SPIRITUAL LIFE OF MUSLIM SOCIETY SOUTH CAUCASUS: HISTORICAL AND SOCIOLOGICAL ANALYSIS

Rahila M. Mammadova, PhD (Philology), Senior Lecturer of Department of Humanities at Mingachevir State University (Azerbaijan);
ORCID 0000-0002-9237-3626, e-mail: rahile.mamedova.1959@mail.ru

Purpose and objectives of the study. The article is devoted to the history of the spread of Russian speech in the nearby spaces of the Russian cultural and linguistic area, in particular in the South Caucasus, as well as its educational and communicative role in the creation of a universal information system and lexical base, in enriching the speech culture of peoples who speak non-Slavic languages. Research methods. As a research method, a monographic approach was chosen based on the analysis of historical materials on the settlement of Russian speakers in the South Caucasus. Factual materials are systematized and classified by social spheres; the main factors that influenced the nature and content of the language policy and practice of using the Russian language in the region are identified. Research results. Russian speech is considered as a means of unifying the verbal potential of different peoples of the South Caucasus, even in some way as a specific, local "lingua franca" in interethnic communication within the linguistic pluralism of the population of the South Caucasus. The extraordinary educational mission of Russian speech and its place in the transformation of European scientific, cultural and general educational values to the peoples of the South Caucasus in the 19th–20th centuries are the main motives of the article. The fact of modification of the language resources of the Russian language in the conditions of multilingualism of the peoples of the South Caucasus is noted. Morphological, syntactic and semantic changes in the vocabulary of the Russian language in the region under the influence of everyday language practice are revealed. The features of the mutual influence of Russian and local languages, the main factors and consequences of this influence are revealed. Another key point is the modern role and significance of Russian speech in the everyday, socio-economic and scientific-cultural life of the national states of the South Caucasus, in particular the Republic of Azerbaijan. Thus, the Russian language has acquired a certain political and cultural significance for the people of Azerbaijan, and the cultural and historical foundations that have been formed over a fairly long period of time provide an opportunity for the further, consistent development of former linguistic ties. An opportunity was obtained to establish ties with the Russian linguistic area, to develop spiritual relations. On the territory of Azerbaijan there were significant settlements of Russian settlers, with whom local residents established broad economic and cultural ties. Their dialects were very diverse. They influenced the vocabulary of the Russian language. The historical events that have taken place have determined the importance of Russian culture as a factor in interethnic interaction in the South Caucasus. It was the Russian language that became a means of interethnic communication, within the framework of which the development of education took place, and in general enlightenment. Thus, the Muslim population of the South Caucasus was involved in Russian political and cultural processes. There was a kind of linguo-ethno-cultural dialogue in a multi-ethnic environment. Thus, in the period under study, through the Russian language, the process of introducing the Muslim population of the South Caucasus to the global cultural processes took place.

Keywords: Russian speech, language area, cultural and linguistic environment, linguistic diffusion, sociolinguistic factors.

Введение в проблему

Языковая картина

Исторически сложилось так, что регион, в котором расположен современный Азербайджан, оказал значительное влияние на формирование словарного состава азербайджанского языка. В частности, речь идет об арабских, персидских, русских языковых влияниях. Каждый язык испытывает влияние других языков. Так, если говорить о русском языке, то его словарное богатство, в частности синонимия, в немалой степени обусловлено влиянием тюркской группы языков. Процесс взаимовлияния языков представляет значительный интерес с точки зрения истории формирования словарного состава, грамматического строя, а также их роли в интеллектуальном развитии общества. История и теория языка предполагает анализ всех историко-социальных процессов, в рамках которых происходили изменения в языке и которые в последующем оказали значительное влияние на интеллектуальное развитие людей, на становление духовной культуры общества.

Помимо того, что каждый язык дает возможность познаться с внутренним миром и мировосприятием каждого человека, говорящего на этом языке, владение им позволяет также в определенной степени заново структурировать мыслительные процессы, по-новому оценить внешний мир, свое душевное, психологическое состояние, а также расширить рамки мировоззрения и вообще смотреть на мир по-новому. На словарный состав языка влияют окружающая среда, природа, социальный мир; на грамматику и фонетику отражается то, как человек воспринимает этот мир, в каком звуковом образе он его видит. Отсюда — разнообразие и богатство звуковой выразительности каждого языка в мире. Звуки могут быть гортанные, протяжные, краткие, звонкие, глухие, однако все они несут в себе особый смысл, имеют многочисленные варианты, которые в конечном счете означаются диалектами, говорами или наречиями.

Все языковые средства упорядочены и систематизированы, создана система грамматических и орфографических правил, которых строго придерживаются в целях сохранения чистоты литературного языка. Вместе с тем возможности взаимовлияния и взаимодействия языков настолько широки, что грамматические правила и указания приходится всё время совершенствовать и уточнять. Изучение нового языка означает формирование нового подхода к изучению мира. Не случайно у детей, которые обучаются в разных секторах, к примеру, в азербайджанском и русском, складывается несколько отличное мировоззрение. То есть знание второго языка фактически формирует в человеке новый стиль мышления, новый подход к жизненным реалиям и их оценку. Уникальный набор культурных

характеристик, которые преподносит нам язык, становится достоянием человека другой этнической группы, что в значительной степени меняет его жизненную позицию. Кроме того, следует помнить о том, что языковые возможности отражения реального мира значительно расширяются, а вместе с тем и видоизменяются. Есть также понятие языковой политики, когда привитие вкуса к новому языку дает возможность человеку освоиться в новых жизненных пространствах.

Если говорить о периоде, когда Азербайджан входил в состав царской России, то следует отметить, что здесь, в условиях поголовной безграмотности населения, прежде всего насаждался именно русский язык. Делали это через создание школ с обучением на русском языке, таким образом готовя армию местных чиновников, лояльных к русской власти и верноподданных властям.

Степень исследованности проблемы

Языковые процессы в современном мире протекают достаточно интенсивно. Это связано с резким ростом объема информации, которую мы воспринимаем через современные коммуникационные каналы. Каждый человек оказывается перед необходимостью выучить хотя бы еще один язык, а еще лучше — два. Исследования, которые проводятся в связи с этим, касаются не просто внутренних процессов развития самого языка или его усвоения отдельными лицами, но и общего развития духовной жизни, повышения культурного уровня общества.

Внимание исследователей привлекает роль языка как важнейшего средства человеческого общения, фактора становления этнической общности и формирования ее идентичности. В этом плане рассматриваются вопросы духовного взаимодействия между различными культурами и языками [8], к примеру, то, как стилистическая дифференциация отдельных языков влияет на характер усвоения этого языка другими народами [16] и как отражается этот процесс на культуре речи.

Кроме того, исследователей привлекают психологические аспекты взаимодействия родного и чужого, пришлого языка [14], поскольку именно культура речи является духовным лицом человека. Ясно, что здесь ведущую роль играли определенные культурные, экономические и духовные центры организации социальных процессов. Именно благодаря усилиям этих центров налаживались торговые, дипломатические, культурно-образовательные и политические связи. В этом плане значителен вклад историков, а также исследователей языковых процессов в общественном развитии [2]. Важную роль в этих процессах играла кавказская политика царской России в XVII–XVIII вв. Ясно, что процессы взаимовлияния языков связаны с активным

использованием такого влияния во всех сферах жизнедеятельности общества, где ведущей стороной являются именно социально-экономические процессы.

Капиталистический способ производства, активно утвердившийся на территории царской России, способствовал ускоренному развитию двуязычия у всех народов Кавказа, в том числе и проживающих на территории Южного Кавказа. Отсюда — необходимость определения перспектив развития языка каждой этнической группы. Именно турбулентность языковых процессов, которая подогревалась формированием и дальнейшим становлением промышленного производства, различных его сфер, способствовала выдвиганию на первый план потребности в использовании языка межнационального общения, с одной стороны, и решения проблемы сохранения родного языка — с другой [5]. Ведущую роль в этих процессах играли города, которые стали бурно развиваться именно на основе развития торгово-экономических и духовных связей.

Появилась необходимость совершенствования методики изучения языка [6] как в школе, так и на других ступенях образовательного процесса, изучения всех этноязыковых процессов, которые шли на исследуемой территории. Такие исследования проводятся до сих пор. Предметом научного анализа являются также формы и методы колониальной национальной политики царского правительства, непосредственно отражавшейся на становлении политической культуры народов, проживавших на территории Южного Кавказа.

Имело значение также многообразие языков народов, проживавших на территории указанного региона. Это сказывалось на обогащении словарного состава каждого из используемых языков, в том числе русского. В больших городах сформировалось особое социокультурное пространство, обусловленное двуязычием горожан, что способствовало росту культурных запросов и возможностей духовной самореализации каждого из них. Эти вопросы также стали предметом исследования. Именно в городах действовали различные организации и учреждения, которые способствовали более углубленному изучению, к примеру, русского языка. Изучение истории просвещения на территории Южного Кавказа [11] также дает дополнительные сведения о том, как могла эволюционировать та или иная языковая среда на территории региона.

Сегодня предметом исследования являются уже не просто языковые процессы, связанные с развитием того или иного этнического языка, но и вопросы языковой политики, связанные непосредственно с необходимостью поддержания культурного многообразия, языков национальных меньшинств, определения перспектив развития языков мира. Сегодня каждое общество может быть названо много-

национальным и многоязычным, и потому формирующиеся модели языковой политики и социолингвистические стратегии в определенном смысле схожи. Вместе с тем национальная языковая политика каждой страны имеет свои особенности, поскольку учитываются тенденции развития и вызовы, которые определяются современным мировым порядком.

Поэтому существует необходимость определения языковых приоритетов в условиях глобализации, организационно-методического и педагогического решения вопросов сохранения языков национальных меньшинств в условиях этнокультурной интеграции и повышения роли международных языков.

Надо отметить, что языковая политика зачастую становится предметом конфликта, в том числе связанного с реформами национальной письменности.

Цель и задачи исследования

Целью данного исследования является рассмотрение основных направлений влияния русской речи на некоторые стороны духовного развития мусульманского общества. Речь идет об исторической взаимосвязи языков и культур, формировании определенного языкового наследия, повлиявшего на стиль мышления, развитие духовных приоритетов, творческое мышление и самобытность производимых культурных кодов.

Методы

Анализ фактов и процессов в историческом срезе дает возможность рассмотреть проблему на широком фоне социально-политических и духовно-нравственных взаимоотношений народов. Используются архивные материалы, итоги анализированных историками событий, приведших в конечном счете к становлению мультикультурных процессов, одним из аспектов которых было взаимодействие языков. Используются также аналогичные труды, связанные с изучением роли русского языка в культурном развитии отдельных народов постсоветского пространства.

Основное содержание

Исторические этапы процесса влияния русской речи на духовную жизнь мусульманского населения Южного Кавказа

Если верить письменным источникам, принадлежащим средневековым арабским, византийским и славянским авторам, относящимся к X–XII столетиям, первое реальное лингвистическое соприкосновение представителей народов восточной части Южного Кавказа с представителями восточных славян, в частности с древними великороссами,

происходило на уровне торговых отношений. Это та историческая эпоха, когда под руководством новгородского князя Рюрика, основателя царской династии Рюриковичей на Древней Руси, было создано первое централизованное государство восточных славян с центром в Киеве. Данные источники, особенно дошедшие до нас исторические труды арабского историка, географа и путешественника, прозванного «арабским Геродотом», – Абулхасана Али ибн аль-Хусейна аль-Масуди (896–956) «Золотые копи и россыпи самоцветов» (араб. Мурудж аззахаб ва ма'адин ал-джавахир) и «Книга указания и наблюдения» (араб. Китаб ат-танбих вал-ишраф) сообщают, что сначала (до 909 года) восточные славяне, или великороссы совершали торговые походы в восточные, прибрежные части Южного Кавказа посредством водных путей Волги и Каспийского моря [1. Гл. 18, 19].

Другой арабский историк Абу Джафар Мухаммад ибн Джарир ат-Табари (839–923) в историческом произведении под названием «Истории пророков и царей» (араб. «Тарих ар-расуль ва-ль-мюльк») дает важную информацию об активизации восточных славян в прибрежных районах восточной части Южного Кавказа, носящей уже не только торговый, но и военно-политический характер [17. С. 38]. По сообщениям средневекового азербайджанского поэта Хагани Ширвани (Афзалдин Ибрагим ибн Али Хагани Ширвани, 1126–1199), последнее крупное выступление славян (русов) на прикаспийских областях Южного Кавказа произошло в 1174-м году [4. С. 524–530].

После этого культурно-лингвистические связи славян с народами Южного Кавказа на долгое время прекратились. Естественно, прекратилась и взаимная языковая диффузия. С тех пор проявление русской (славянской) речи в культурной среде Южного Кавказа приобрело эпизодический характер и просматривалось только в торговых, политических и дипломатических документах.

Когда в 1682 г. российский трон занял последний царь всея Руси (1682–1721) и первый Император Всероссийский Петр I (1721–1725), внешняя и внутренняя политика зарождающейся великой державы коренным образом изменилась. Под устойчивым влиянием развивающейся европейской культуры эпохи просвещения и модернизации молодой правитель не только заботился о дальнейшем расширении государственных границ Российской державы, но и стремился распространять русскую культуру и в первую очередь русский язык на ближайшие к российским границам регионы. Но при осуществлении этой цели первый российский император столкнулся с ожесточенным сопротивлением народов, населявших Южный Кавказ. Несмотря на это, в течение 1722–1735 гг., в связи с российским военным присутствием во всех прикаспийских областях

Южного Кавказа от Дербента до Энзели, некоторое время распространялась русская речь, которая в основном присутствовала в общении у российских военных.

При Петре I текущие позитивные европейские ценности научно-технического и культурно-просветительского характера методично и последовательно вводились в русское патриархальное общество. Российский император своей чрезвычайной энергией и пассионарностью не только «прорубил окно в Европу», но и расширил врата для беспрепятственного проникновения западного модернистского духа в русский мир, чтобы затем приобретающая русский идеологический оттенок русская культура транзитом отправилась в близлежащие регионы Переднего Востока, и в первую очередь на Южный Кавказ. Это было исторической задачей русского культурно-социолингвистического потенциала, а также идеологической миссией русского языка, которому принадлежала новая, связующая роль между западной и восточной цивилизациями.

После смерти Петра I, когда наступили смутные времена, а также при правлении императрицы Екатерины II русское лингвистическое присутствие на Южном Кавказе определялось исключительно в военном аспекте [2. С. 44]. Такая тенденция продолжалась и в первой половине XIX столетия, когда Российская держава в ожесточенной схватке с шахским правительством Афшаридов и Османской империей в течение четверти века завоевывала все рубежи от Дербента до реки Аракс. Таким образом, после заключения Туркменчайского соглашения весь Южный Кавказ фактически стал частью Российской империи и, следовательно, в юридическом плане стал неотъемлемой частью русского лингвистического ареала на целых 163 года.

В дальнейшем имперское правительство разрабатывало масштабные планы просвещения и модернизации Южного Кавказа на основе русского языка и европейского просвещения. Это было время, когда европейская модернистская культура в проявлении русской речи стремительно изменяла внешний облик и мировоззрение мусульманского населения региона, доказывая практическое значение позитивизма и демонстрируя тормозящую роль религиозного мистицизма в новых условиях зарождающихся буржуазных отношений. Отныне российской власти необходимо было создавать национальные кадры, буквально пропитанные европейским модернистским духом и непоколебимой страстью к русской культуре и русской речи, чтобы создавать надежную социальную опору в патриархальном обществе, еще не совсем готовом к массовым культурным преобразованиям и модернизации.

В российском обществе 2-й половины XIX в. необычайно интенсивно назревали буржуазные социально-

экономические отношения. Русский литературный язык и русская речь, упорядоченные соответствующими лингвистическими правилами и современным стилистическим порядком, благодаря Г.Р. Державину, А.С. Пушкину, М.Ю. Лермонтову и другим величайшим, поэтам, драматургам и ученым переживали необычайный подъем и высочайшее процветание. С каждым днем литературный язык и русская речь превращались в особый лингвистический эталон нового европейского типа, пропитанный западным словесным арсеналом и огромным числом терминов и неологизмов, заимствованных из немецкого, французского и английского языков.

XIX в. своим просветительским и модернистским духом требовал от общества в целом и от каждого его представителя в частности присвоения новых поведенческих и вербальных качеств, адекватных требованиям времени – использование нового словесного потенциала, внедрение культуры речи на повседневном, профессиональном и деловом уровнях, обогащенных компромиссными и джентльменскими элементами. Эти элементы были востребованы той необходимостью, когда от городского жителя или нового бюргера, в сущности, строителя нового буржуазно-демократического общества требовалось быть чрезвычайно толерантным и благородным, чтобы достигнуть реального повседневного успеха в производственной, творческой, политической и личной жизни [15. С. 209].

Цель российского правительства во второй половине XIX столетия по активной подготовке высокообразованных кадров из среды мусульманского населения Южного Кавказа, в совершенстве владеющих русской речью, для обеспечения высокоинтеллектуальной социальной базы царской власти на местах в целом была достигнута.

Кроме того, этот процесс принес чрезвычайно серьезные позитивные результаты для мусульманского мира Южного Кавказа и в короткий срок поднял на самую высокую ступень культурного, научного и интеллектуального Олимпа видных корифеев науки, культуры и искусства, политики и капиталистической экономики. Был дан сильный толчок для формирования современной буржуазии из мусульман Южного Кавказа.

В это время в мире науки, философии, искусства и литературы появились такие имена из среды мусульманской интеллектуальной элиты, как А.А. Бакиханов (1794–1847), Г.Б. Зардаби (1837–1907), М.Ш. Вазех (1792–1852), М.Ф. Ахундов (1812–1878), И.Б. Гутгашыны (1801–1861), С.А. Ширвани (1835–1888), Дж. Мамедкулизаде (1866–1932), Г. Джавид (1884–1944), А. Саххат (1874–1918), М. Навваб (1833–1918), М. Хади (1880–1920), М.А. Сабир (1862–1911), Н. Нариманов (1870–1925), А. Топчубашев (1862–1934), А. Гусейнзаде (1864–1940), А. Агаоглу (1868–

1939), М.А. Расулзаде (1884–1955), А. Джавад (1892–1937), У. Гаджибеков (1885–1948) и др.

Вооружившись русской речью и европейским просветительским духом, они впервые с огромным энтузиазмом методично стали ломать многовековую неприступную стену невежества и религиозного фанатизма, мистики и неоправданных надежд и иллюзий. Они были патриотами нового времени, видевшими светлое будущее своего народа в научном просвещении, великих идеях, сотканых из божественного света, высокого интеллекта и буржуазной этики.

Русская идея, реалистично материализованная в просветительских акциях неславянских народов, недавно перешедших в подданство Российского государства, через трансформацию патриархальных взглядов, без ломки вековых религиозных и нравственных устоев вооружила всех своих подданных, в том числе и мусульман Южного Кавказа, идеями научного просвещения и светского развития, духом уважения обычаев и традиций [3. С. 33, 106–107].

Под влиянием произведенной модернистской и просветительской политики новая интеллектуальная элита из среды мусульман Южного Кавказа стала носителем специфических идей, ставших результатом своеобразного синтеза новых светских и старых религиозных взглядов на мир, общественного развития и вечного поиска смысла жизни. Например, А.А. Бакиханов, выдающийся азербайджанский поэт-просветитель, один из основоположников реалистического направления в азербайджанской художественной литературе XIX в., писавший свои произведения на персидском, арабском и азербайджанском языках под особым псевдонимом «Гудси» (*азерб. Qüdsi* – «чистый» или «благородный»), в произведении этико-философского содержания под названием «Тахсиб ал-Ахлак» («Исправление нравов») воспевал высокие нравственные правила с точки зрения этических ценностей ислама и новых светских, модернистских принципов.

А.А. Бакиханов считал, что отныне (в первой половине XIX в.) и навсегда светлое будущее мусульманских народов Южного Кавказа определяют представители интеллектуальной элиты, воплотившие в себе активный, универсальный просветительский дух, мусульманские нравы и светскую эрудицию. Это эталон такой личности, которой предназначено строить демократическое, светское общество, соответствующее новому духу времени и мировому порядку. Этот дух неизменно и последовательно проявлялся в научном и общественном мировоззрении у всех последующих мыслителей, ученых, литераторов и политиков, представлявших мусульманское общество Южного Кавказа, получивших европейское образование, путем глубокого усвоения русской литературной речи и русской светской культуры. Также он проявлялся в их продолжительной борьбе за устойчивое

просвещение современного им мусульманского общества Южного Кавказа.

Логическим завершением соответствующих положительных тенденций стало устойчивое пробуждение национального самосознания мусульманских народов Южного Кавказа, их демократическая и национально-освободительная борьба. А главным итогом такой борьбы стало провозглашение первой демократической республики на мусульманском Востоке в лице Азербайджанской Демократической Республики 28 мая 1918 г. Просветительская, интеллектуальная сила современного русского литературного языка и русской речи в непривычной и специфической этнокультурной среде, называемой Южный Кавказ, все-таки смогла создать соответствующую культурную и образовательную атмосферу для формирования уникального, многогранного человеческого капитала.

Неординарные личности, представляющие и интеллектуальный человеческий капитал современного мусульманского общества, в частности Южного Кавказа, в новую эпоху активного просвещения и культурного возрождения (путем последовательного усвоения русского литературного языка и речи, русских просветительских идей), и светскую культуру, и новые передовые демократические принципы, золотыми буквами написали свои великие имена в славную историю нового времени. А миллионы людей, чей путь прошел мимо науки и просвещения, навсегда исчезли из мира, не оставив после себя никакого следа.

Когда в XIX в. обогащенная новыми европейскими ценностями русская культура и приобретает современную стилистику русская речь проникли на Южный Кавказ, уже стало ясно, что настоящее просвещение есть не только усвоение новых языков или культуры, не только совершенные знания о той или другой науке, а есть активное просветление человеческого ума трансцендентной идеей и общечеловеческими ценностями.

Стал очевидным и тот факт, что у каждого индивида присутствует некий первичный потенциал и искра субстанционального интеллекта. Для того чтобы эта искра превратилась в вечное пламя истины, необходимо дать разуму сильный позитивный толчок. Именно русская речь и обогащенная европейскими ценностями русская культура стали тем толчком, который вывел на высшую ступень просвещения и истины многих достойных сыновей мусульманского мира Южного Кавказа. Об исключительной прогрессивной роли просвещения высказывался английский ученый Дэвид Харви (1935). Он говорил: «...просвещение — это присвоение всех прогрессивных знаний и высоких идей, принадлежащих свободно и творчески мыслящим величайшим личностям, во имя достижения свободы и осознания истины,

а также беспрестанного обогащения содержания и смысла жизни человека и человечества» [13. С. 12].

Когда в 1920 г. Азербайджан вновь вошел в состав России, уже в качестве социалистической республики, а в 1922-м — в состав СССР, русский язык и русская просветительская деятельность продолжали оказывать влияние на культурно-образовательную деятельность, но уже в контексте новой, коммунистической идеологии, под названием *культурная революция* или *пролетарская культура*. Первоначальной целью такой деятельности была массовая ликвидация безграмотности среди мусульманского населения Южного Кавказа. Необходимо подчеркнуть один важный факт, что в начале 20-х гг. XX столетия, когда Южный Кавказ входил в состав нового этнополитического конгломерата со специфическими порядками и идеологией, сообщество, представляющее эти народы, состояло из исключительно безграмотных людей.

Этот факт особенно болезненно проявлялся на национальных окраинах, в том числе на Южном Кавказе. В то время 90% мусульманского населения там было безграмотным. Среди крестьян эта цифра приближалась к 97%, а среди женщин — к 99%. Советская власть заботилась о подготовке образованных кадров для создания надежной социальной базы на национальных окраинах сообщества. С целью массового привлечения населения всех национальных регионов к пролетарскому просвещению и пролетарской культуре советское руководство осуществляло последовательную языковую политику. Хотя русская речь, русский литературный язык официально не являлись средствами межнационального и межкультурного общения, но их роль и значение в этом отношении были очевидны.

В 1922 г. советская власть решила перевести обучение с арабского алфавита на новый, латинский алфавит. Это мероприятие преследовало цель максимального облегчения для мусульманского населения Южного Кавказа процесса усвоения повседневной, научной и образовательной информации, которая исходила уже от новой советской власти и правительства.

В соответствии со статистическими данными 1932 г., на Южном Кавказе, в частности среди мусульманского населения Азербайджанской ССР, в целом насчитывалось 82,8% грамотных людей. Следующим актом масштабного внедрения русского литературного языка и русской речи на Южном Кавказе, в частности среди мусульманского населения Азербайджанской ССР, являлось официальное утверждение 15 ноября 1939 г. кириллического алфавита, разработанного алфавитной комиссией при Совете народного комиссариата Азербайджанской ССР [9. С. 293–295]. Утвержденный алфавит содержал 36 букв и один апостроф (Аа, Бб, Вв, Гг, Фф, Дд, Ее, Ээ, Жж, Зз, Ии, Йй, Кк, Кк, Лл, Мм, Нн,

Оо, Өө, Пп, Рр, Сс, Тт, Уу, Үү, Фф, Хх, һһ, Цц, Чч, Шш, Ыы, Ээ, Юю, Яя и '), что на 90% соответствовало официальному кириллическому алфавиту, принятому в 1918 г. в России и состоящему из 33 букв. В 1947 г. из нового алфавита была исключена буква «Цц», а в 1958-м — буквы «Ээ», «Юю», «Яя» и «Йй». В таком виде данный алфавит официально просуществовал в Азербайджане до 2001 г.

Принятие кириллического алфавита имело далеко идущие цели. В основном оно предназначалось для лингвистической интеграции неславянских народов, в частности мусульман Южного Кавказа, которые в течение всего Средневековья и Нового времени входили то в арабский, то в тюркский, то и в персидский лингвистический ареал.

Безусловно, переход к кириллице тут же дал позитивные результаты. Поскольку вся существующая информация политического, экономического и социокультурного содержания, а также все самые популярные литературные и научные произведения были составлены только кириллицей, доступ к ним для мусульманского населения Южного Кавказа был тем самым облегчен. В короткий срок мусульманское население региона превратилось в грамотное сообщество, а азербайджанцы, особенно поколение 50–80-х гг. XX в., прославились как одна из читающих и интеллектуально развитых наций планеты.

После распада СССР в 1991 г. русский язык и русская речь довольно быстро сдали свои позиции в силу множества объективных и субъективных причин. А когда в 2001 году в обязательном порядке подтвердился латинский алфавит во всех сферах жизни суверенной Азербайджанской Республики, подрастающее поколение постепенно стало отчуждаться от информации, исходящей от русско-

язычной литературы, а в дальнейшем и от русскоязычного контента, формально принимаемого как чужой и непонятный. Такая тенденция, конечно же, носила временный характер.

Заключение

Можно сказать, что русский язык получил для народа Азербайджана определенное политическое и культурное значение, и сформировавшиеся на протяжении довольно длительного времени культурно-исторические основы дают возможность дальнейшего последовательного развития прежних лингвистических связей. Была получена возможность налаживания связей с российским лингвистическим ареалом для развития духовных отношений. На территории Азербайджана существовали значительные поселения русских переселенцев, с которыми у местных жителей наладились широкие хозяйственные и культурные связи. Их говоры были самыми разнообразными. Они влияли на словарный состав русского языка. Произошедшие исторические события определили значение русской культуры как фактора межнационального взаимодействия на территории Южного Кавказа. Именно русский язык стал средством межнациональной коммуникации, в рамках которой шло развитие образования и просвещения. Тем самым мусульманское население Южного Кавказа было вовлечено в российские политические и культурные процессы. Происходил своеобразный лингвоэтнокультурный диалог в полиэтнической среде. Таким образом, в исследуемый период посредством русского языка шел процесс приобщения мусульманского населения Южного Кавказа к общемировым культурным процессам.

Литература

1. *Абу-л-Хасан Али ибн ал-Хусайн ибн Али ал-Мас'уди* (2002). Золотые копии и россыпи самоцветов [История Аббасидской династии: 749–947 гг.] / сост., перевод с араб. прим., комм. и указатели Д.В. Миккульского. М.: Наталис, 800 с. (Серия: Восточная коллекция).
2. *Гаджиева С.* (2004). Азербайджан во внешней политике правительства Екатерины II. Баку: Элм, 148 с.
3. *Гулыга А.В.* (2003). «Я видел истину» (Достоевский) // Русская идея и ее творцы. М.: Эксмо, С. 33, 106–107.
4. *Дорн Б.* (1875). Каспий. О походах древних русских в Табаристан с дополнительными сведениями о других набегах их на побережье Каспийского моря. СПб. С. 524–530.
5. *Прокофьев С.Я.* (2002). Потребность межнационального общения. Автореф. дис. ... д-ра филос. наук. М., 45 с.
6. *Пушкарёва И.А.* (2019). Условия успешного изучения иностранного языка // Теория и практика социогуманитарных наук. № 3. С. 80–87.
7. Русская культура как системообразующий фактор межнационального взаимодействия на Северном Кавказе: сб. науч. тр. (2017). М.: Институт Наследия. 250 с.

References

1. *Abu-l-Hasan Ali ibn al-Husajn ibn Ali al-Mas'udi* (2002). Gold mines and placers of gems. History of the Abbasid dynasty: 749–947. D.V. Mikul'sky (ed.). Moscow: Natalis, 800 s. (Ser.: Vostochnaia kollektsia). Chapt. 18, 19. (in Rus.)
2. *Gadzhieva, S.* (2004). Azerbaijan in the foreign policy of the government of Catherine II. Baku: Elm, 148 (in Rus.)
3. *Gulyga, A.V.* (2003). "I saw the truth" (Dostoevsky). In: *Russkaya ideya i ee tvorcy*. Moscow: Eksmo. P. 33, 106–107 (in Rus.)
4. *Dorn, B.* (1875). Caspian. About the campaigns of the ancient Russians in Tabaristan with additional information about their other raids on the coast of the Caspian Sea. St. Petersburg. P. 524–530 (in Rus.)
5. *Prokofiev, S.Ya.* (2002). The need for international communication. Author's Thesis diss. ...Dr. Sc. (Philosophy). Moscow, 45 p. (in Rus.)
6. *Pushkareva, I.A.* (2019). Conditions for successful learning of a foreign language. *Theory and Practice of the Social Humanities*. No. 3. P. 80–87 (in Rus.)
7. Russian culture as a backbone factor of interethnic interaction in the North Caucasus (2017). Coll. scientific articles. Moscow: Institut Naslediya. 250 p. (in Rus.)

8. *Savosina L.M.* (2018). Вопросы взаимодействия культур в межъязыковой коммуникации // Русский язык и культура в зеркале перевода. № 1. С. 510–519.
9. Советский Азербайджан: мифы и действительность (1987). Баку: Элм. С. 293–295.
10. *Topchibashev A.M.b.* (2014). Избранное: В 4-х т./ сост. Гасан Гасанов. Т. 1. Баку. 576 с.
11. Языки коренных народов Кавказа – важный фактор устойчивого развития, построения мира и примирения (2019): сб. науч. статей и тезисов науч.-практ. конф. (с международным участием). Махачкала: АЛЕФ. 246 с.
12. Языковая политика и языковые конфликты в современном мире // Международная конференция (Москва, 16–19 сентября 2014): Доклады и сообщения / отв. ред. А.Н. Биткеева, В.Ю. Михальченко; Институт языкознания РАН, Научно исследовательский центр по национально-языковым отношениям (2014). М. 637 с.
13. *David Harvey* (1990). *The Condition of Postmodernity*. Oxford: Blackwell. P. 12
14. *Catherine L., Caldwell-Harris.* (2014). Emotionality differences between a native and foreign language: theoretical implications // *Front Psychol.* Vol. 5. Published online 2014, Sep 23. <https://doi.org/10.3389/fpsyg.2014.01055>
15. *Immanuel Wallerstein* (2011). *From Seville to Amsterdam: the Failure of the Empire (Ser.: The modern World-System I)*. Berkley: University of California Press, 440 p. P. 209.
16. *Silvia Dal Negro* (2004). Language contact and dying languages // *Dans Revue française de linguistique appliquée 2* (Vol. IX), pages 47 à 58.
17. *The History of al-Tabari. Vol. 38: The Return of the Caliphate to Baghdad: The Caliphate of al-Mu'tadid, al-Muktafi and al-Muqtadir* (2008). A.D. 892-915. (Ser.: Near Eastern Studies) (transl. by Franz Rosenthal).
8. *Savosina, L.M.* (2018). Questions of interaction of cultures in interlingual communication. *Russian Language and Culture in the Mirror of Translation*. No. 1. P. 510–519 (in Rus.)
9. *Soviet Azerbaijan: myths and reality*(1987). Baku: Elm. P. 293–295. (in Rus.)
10. *Topchibashev, A.M.b.* (2014). Selected items: In 4 vols. *Gasan Gasanov (comp.)*. Vol. 1. Baku. 576 p. (in Rus.)
11. The languages of the indigenous peoples of the Caucasus – an important factor in sustainable development, building peace and reconciliation (2019). Coll. of scientific articles and abstracts of a scientific and practical conference (with international participation). Mahachkala: ALEF. 246 p. (in Rus.)
12. Language policy and language conflicts in the modern world (2014): International conference. Moscow, 2014, September, 6–19): Papers and reports. A.N. Bitkeev, V.Yu. Mikhhalchenko (eds.); RAS Institute of Linguistics, Scientific Research Center on National-Language Relations (2014). Moscow, 637 p. (in Rus.)
13. *David, Harvey* (1990). *The Condition of Postmodernity*. Oxford: Blackwell. P. 12.
14. *Catherine, L., Caldwell-Harris.* (2014). Emotionality differences between a native and foreign language: theoretical implications. *Front Psychol.* Vol. 5. Published online 2014, Sep. 23. <https://doi.org/10.3389/fpsyg.2014.01055>
15. *Immanuel, Wallerstein* (2011). *From Seville to Amsterdam: the Failure of the Empire (Ser.: The modern World-System I)*. Berkley: University of California Press, 440 p. P. 209.
16. *Silvia Dal, Negro* (2004). Language contact and dying languages // *Dans Revue française de linguistique appliquée 2* (Vol. IX), pages 47 à 58.
17. *The History of al-Tabari. Vol. 38: The Return of the Caliphate to Baghdad: The Caliphate of al-Mu'tadid, al-Muktafi and al-Muqtadir* (2008). A.D. 892-915. (Ser.: Near Eastern Studies) (transl. by Franz Rosenthal).
-
-